

Первый Президент СССР

То, что вопрос о статье 6 рассматривался вкупе с предложением реконструировать высшую государственную власть, учредив впервые в отечественной истории пост президента, конечно же, не был тактическим маневром, рассчитанным на то, чтобы «фуксом» протащить компромиссную формулировку. Поправка к статье 6 и дополнение Основного Закона статьей 127 находились в органической взаимосвязи. Первая означала, что наше государство перестает быть однопартийным, в известном смысле даже теократическим, в нем вводится один из главных принципов демократии — идейный и политический плюрализм. Второе означало признание другого не менее важного принципа демократии, а именно — разделения властей.

Правомерно ли «увязывать» президентскую форму правления с этим принципом? Думаю, да. Дело в том, что Монтескье, признаваемый главным автором этой идеи, исходил из задачи ограничить всевластие монарха, сохранив при этом достаточно сильную власть, способную обеспечить целостность государства и нормальную жизнедеятельность общества. То и другое достигается распределением функций в высшем эшелоне власти. Глава государства (президентская республика) или правительства (парламентская республика) осуществляет исполнительные и распорядительные функции, но не может принимать законов, что является прерогативой парламента, и вершить правосудие, чем должны заниматься органы юстиции.

И все-таки, каюсь, не сразу пришел я к мысли о необходимости увенчать нашу новую политическую структуру должностью президента. Больше того, решительно отклонял доводы некоторых своих соратников и специалистов, выступавших с соответствующим предложением. При этом напирал на то, что основой нашей политической системы и после реформы остается система Советов, с которой президентский пост плохо сочетается, был бы для нее чужероден. Может быть, в будущем, убеждал я своих оппонентов, мы придем к этой форме, а сейчас вполне достаточно существенного новшества — замены Председателя Президиума Верховного Совета Председателем Верховного Совета. Это само по себе расширяет возможности главы государства, наделяет его, кстати, и многими чисто

президентскими полномочиями. В то же время он остается во главе Верховного Совета и, значит, будет работать над законами вместе с депутатами, глубже сознавать свою ответственность перед народными избранниками.

Но, увы, буквально через несколько месяцев я убедился, что допустил ошибку. Исправно просидев на первой сессии Верховного Совета на председательском кресле, старательно вникая во все детали процедуры, регламента, работы комитетов и комиссий, понял, что просто невозможно физически сочетать непосредственное руководство парламентом с другими функциями.

И не только в этом дело. Пожалуй, еще более существенно то, что законодательная и исполнительная власти требуют разных подходов. Это вовсе не значит, что они должны находиться между собой в состоянии перманентной перебранки или даже «войны», как это пошло у нас последнее время. Но им следует контролировать друг друга, присматривать друг за другом, а в избранном нами варианте такая возможность исключалась. Тем самым обесценивалось одно из преимуществ конструкции разделения властей.

К сожалению, с опозданием стал мне ясен и еще один, может быть, главный довод. Как порой ни совершенны создаваемые теоретиками и политиками государственные конструкции, они могут не заработать, если не найдут понимания и опоры в политической культуре общества и психологии народа. За многие десятилетия у нас сложился своего рода культ Политбюро и генсека, требующий беспрекословного подчинения исходящим от них приказам и указаниям. То, что этот авторитетный источник власти, который и почитали и которого боялись, как бы иссяк, сразу же отразилось на государственной дисциплине. Тем более что функции его перешли Верховному Совету, который, по глубоко укоренившемуся представлению, был у нас сугубо парадным, декоративным органом. Что это новый парламент действительно властвующий, поверить было очень непросто, по крайней мере сразу. И точно так же большинству граждан, не искушенных в политических определениях, нелегко было уловить сколько-нибудь серьезную разницу между Председателем Президиума Верховного Совета и просто Председателем.

Словом, вводить пост президента надо было и по причинам чисто психологического свойства. Одновременно укреплению авторитета высшей власти

служило создание Совета Федерации и Президентского совета — этого своеобразного эквивалента Политбюро в новой политической системе. Такое решение созрело еще осенью 1989 года, но оно довольно долго обсуждалось во внутреннем кругу, затем советовались со специалистами, после чего группа юристов (Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин и другие) засела по моему поручению за подготовку необходимых документов, прежде всего проекта закона об изменениях в Конституции СССР. И вот вместе с предложениями по статьям 6 и 7, а также ряду других они вносятся на рассмотрение внеочередного съезда. Доклад по этому вопросу сделал Яковлев.

Одним из первых в прениях выступил Назарбаев: поддержав учреждение президентского поста и мою кандидатуру, он в то же время недвусмысленно высказался за применение той же модели в республиках, чтобы «снять уже наметившиеся противоречия между идеей президентства и стремлением республик к расширению своей самостоятельности». Иными словами, в республиках молниеносно уловили, что центральная власть укрепляется, и, не желая поступаться обретенной самостоятельностью, решили воспользоваться моментом, чтобы на всякий случай обезопасить себя. Опытный и хитрый политик, лидер Казахстана, можно сказать, повел беспроегрешную игру.

Не буду скрывать, в мои расчеты, конечно же, не входило создание президентских постов в союзных республиках. Это наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти. Соглашаясь дать Москве дополнительные прерогативы, республики тут же требовали «своей доли». Но делать было нечего. Попытка оспаривать разумность такого подхода могла лишь возбудить страсти и привести к тому, что изменения в Конституции не получили бы требуемого квалифицированного большинства. Поистине тогда (в который раз!) я убедился, что политика есть «искусство возможного».

Но главная атака, как и следовало ожидать, последовала из демократического лагеря. А глашатаем выступил все тот же ректор Московского государственного историко-архивного института, автор формулы об агрессивнопослушном большинстве съезда Афанасьев. Начал он с явной передержки — якобы речь идет «об узаконивании чрезвычайной власти определенного человека, в

данный момент — Михаила Сергеевича Горбачева». А поставив вопрос в такой искаженной форме, начал затем задавать риторические вопросы: нуждаемся ли мы все в этом, нуждаются ли в этом перестройка, все граждане Советского Союза, нуждается ли в этом сам инициатор перестройки? И сообщил, что Межрегиональная депутатская группа провела собрание и приняла решение, сводящееся к тому, что она отрицательно относится к введению поста президента и выступает против его избрания на съезде.

Вообще мне часто приходило в голову одно сравнение. Во Французской революции на крайне левом фланге выступала группа Эбера-Ру, которую прозвали «бешеными». Вот и у нас объявились такие «ультраревolucionеры». Но Афанасьев явно лидировал, разве что в паре с Юрием Черниченко. Может быть, секрет в том, что, будучи специалистом как раз по Французской революции, он вдохновился образом неподкупного Робеспьера и подсознательно претендовал на аналогичную роль в перестройке? По Фрейду — это случается.

Доводы Афанасьева были опровергнуты многими депутатами. Предметнее всего это сделал, пожалуй, академик В.И.Гольданский. «Конечно, — сказал он, — было бы лучше избирать президента на основе всеобщего равного и прямого избирательного права, как это предлагается делать в дальнейшем. Но сегодня у нас просто нет на это времени. Сегодня речь идет, выражаясь медицинскими терминами, о срочной необходимости реанимации, а не о санаторном лечении. Я полностью отвожу высказывание о том, что создание поста президента обусловлено стремлением Горбачева к абсолютной личной власти. По сути дела, он получил именно такую абсолютную власть пять лет назад, когда стал Генеральным секретарем ЦК партии. Было бы нелепо предполагать, что, всецело посвятив свою деятельность в эти пять лет слому той административно-бюрократической системы, Горбачев решил сейчас захватить в свои руки власть в новой ипостаси».

Эту тему поднял и представитель профессиональных союзов А.А.Коршунов: «У нас почему-то, к сожалению, является признаком хорошего тона как можно больше грязи вылить на руководителя, на строй, на кого угодно. Но все-таки, вспомните, какую ношу взвалил он на себя, взвалил по собственной инициативе и, я должен прямо сказать, не при всеобщем одобрении административного,

партийного аппарата в его высших эшелонах. Нам это теперь известно из выступлений, которые звучали на пленумах ЦК, такие выступления были и на XIX партконференции, и здесь, в этом зале, часто звучала ностальгия по прошлому, по твердой руке. Не позавидуешь нашему нынешнему председателю: со всех сторон уже много лет идут на него в атаку швондеры от власти и шариковы от рабочего класса. Да, в обществе нарастает неуверенность, неверие в перестройку и неверие в своего лидера. И должен сказать, что Михаил Сергеевич Горбачев тоже повинен в этом. Повинен в том, что непоследовательно и не до конца доводил всегда им же самим начатое дело. Но, дорогие товарищи, мы должны сделать свой выбор, тяжелый выбор, но необходимый. Либо страна неминуемо придет к развалу, к разрухе, либо все-таки мы попытаемся еще раз ввести ее в нормальное человеческое и государственное русло».

Я прошу извинения у читателей за обильное цитирование, но уж очень драматический сюжет развернулся на том заседании, причем имеющий отношение не только к моей персоне, а к будущему перестройки, к судьбе страны. Некоторые высказывания того периода прямо перекликаются с тем, что происходит у нас сейчас. Вот например, как рассуждал Н.Т.Добежа (Чобану), молдавский писатель. Многие из нас, говорил он, находятся в этом зале благодаря Горбачеву, а сейчас настал наш черед помочь Михаилу Сергеевичу, «защитить» Горбачева от Горбачева. Концентрация огромной власти в руках одного человека представляет собой опасность для процесса демократизации нашего общества, который связан с именем Горбачева. Мы ему доверяем, но кто уверен, что через четыре года или девять лет не придет тот, кто захочет создать в СССР социализм царского покроя? Вот чего мы должны опасаться. Да, стране трудно. Существует опасность возврата к диктатуре, резко падает дисциплина, все мы живем в постоянном напряжении, никто никого не слушает. Иными словами, чтобы поправить дела, нам нужен «царь». Пусть он называется по-иному — Генеральный секретарь, председатель партии, — важно не это, а то, что мы вдруг осознали, что нам необходим «батюшка», которому можно пожаловаться на урядников или заместников, который распустил бы в случае необходимости Думу и т.д.».

Правда, звучит более чем актуально? А из дальнейшего выступления молдавского писателя стало видно, что в союзных республиках опасаются, как бы

пост президента не дал возможности центру отобрать у них ту самостоятельность, какую приобрели они благодаря перестройке. Поэтому и поддержка создания президентского поста лишь при условии, что в Президентский совет войдут 15 вице-президентов, которые будут председательствовать в нем поочередно. Иначе говоря — одна из первых моделей Содружества.

Свою, несколько специфическую точку зрения изложили и народные депутаты, избранные от автономных республик, автономных областей и округов. Они обратились к съезду с заявлением, в котором акцент делался на праве наций на самоопределение, самостоятельное определение автономиями своего политического статуса и защиту малочисленных народов. Центральным политическим условием автономных республик стало их равноправное с союзными республиками участие в Совете Федерации.

В какой-то момент стало очевидно, что подавляющее большинство депутатов поддерживает учреждение президентского поста и избрание первого президента на съезде. После этого дискуссия сосредоточилась главным образом на вопросе, может ли президент оставаться во главе партии. Преобладал здесь не формально юридический, а политический подход. Мало кто сомневался, что Горбачев будет избран первым президентом, и, значит, приобретало существенное значение, будет ли это сопряжено с его уходом с поста Генерального секретаря ЦК Компартии Советского Союза.

Что касается аргументов против обязательного разделения высшего государственного и партийного постов, то их было предостаточно. Прежде всего ссылались на то, что подобного требования нет в других конституциях, а на практике главы многих государств сохраняют за собой руководство политическими партиями. Что же касается главного довода межрегионалов, они считали, что президент-де будет править от имени Политбюро и выполнять его решения.

В конце концов поправка к статье 127, запрещающая президенту возглавлять политические партии, не набрала квалифицированного большинства и была отклонена. Но по итогам голосования было видно, что за нее голосовали как «межрегиональщики», так и «партийные фундаменталисты», у которых уже появилось желание сменить генсека — ясно для чего. Объединившись, правое и левое крыло дали в совокупности 1303 голоса, но поданных против 607 хватило не

пропустить поправку.

Затем внимание переключилось на весьма существенные детали предлагавшихся изменений к Конституции. Речь шла о точном формулировании права президента вводить чрезвычайное положение, о том, у кого должна быть «ядерная кнопка», о полномочиях и составе создаваемых вновь Совета Федерации и Президентского совета. После тщательного обсуждения всех этих проблем поправки были приняты, и съезд приступил к рассмотрению кандидатур на пост президента.

Депутат В.А.Ивашко, бывший тогда первым секретарем ЦК Компартии Украины, а позднее избранный заместителем генсека ЦК КПСС, сообщил, что на состоявшемся два дня назад Пленуме ЦК на пост Президента СССР единогласно выдвинут Горбачев. Добавил, что на случай его избрания Пленум высказал ряд пожеланий.

Поддерживая кандидатуру «инициатора перестройки», выступавшие увязывали с этим потребности представляемого ими электората. Заместитель председателя колхоза с Белгородчины Г.С.Походня заявил: «Выдвигая эту кандидатуру, мы хотели бы Михаилу Сергеевичу дать свой наказ, так как не полностью согласны с тем отношением к аграрным вопросам, которые до сего времени было и у него и у правительства». Маршал В.Г.Куликов, поддержав мою кандидатуру по поручению ветеранов войны и труда, подчеркнул, что президент, являющийся Верховным Главнокомандующим, должен сделать все, «чтобы армия занимала то место, которое ей положено занимать в Союзе Советских Социалистических Республик». Было много и других выступлений с намеками или умеренной критикой.

А за этими «цветочками», как водится, пошли и «ягодки». Одним из самых резких было выступление известного в стране человека Т.Г. Авалиани, в то время работавшего заместителем директора объединения «Киселевскуголь» в Кемеровской области. Он обвинил меня и в нерешительности, и в метаниях, и в том, что я натравливаю «одно крыло народа на другое». Не менее резко высказались по моему адресу Куценко, Щелканов («бешеные» правые + «бешеные» левые).

Преобладала, однако, в выступлениях поддержка моей кандидатуры. Для

меня дороже всего было услышать доброе слово глубокоуважаемого мной калмыцкого поэта Кугультинова. Назвав меня человеком, «который уже дал нам половину того, что должен иметь каждый, — свободу», Давид Никитович сказал так: «Михаил Сергеевич Горбачев помнит еще, что такое штурвал комбайна. Он не забыл, что такое нулевой трудовой день, как морочат, как терзают крестьянина. Он не забыл, что такое рабочий, что такое настоящая истинная справедливость».

Рыжков и Бакатин, чьи кандидатуры были выдвинуты, взяли самоотводы. Мне крайне не хотелось остаться единственным кандидатом, и, честно говоря, я рассчитывал, что межрегионалы все-таки выдвинут если не Ельцина, то кого-то другого из своих предводителей. Скажем, Попова или Афанасьева. Но этого не произошло. И не только потому, что у любого соперничающего кандидата не было тогда практически никаких шансов на победу. В других обстоятельствах это не помешало бы демократам выставить кандидата, чтобы иметь возможность поагитировать за свою линию и подтвердить верность принципу не допускать безальтернативных выборов. И причина ясна. Это — стремление всемерно принизить легитимность моего президентства: мол, мало того, что избран съездом, так еще на безальтернативной основе. Фактически эти люди заранее давали понять, что примириться с волей большинства они не намерены и будут продолжать беспощадную борьбу за власть.

1329 голосов — за, 495 — против — с таким результатом я был избран президентом и сразу обратился к съезду с небольшой речью, в которой постарался дать ответ на тревоги, прозвучавшие со съездовской трибуны.

Исполнение президентского мандата я связал с твердым намерением продолжать политику перестройки.

Отвечая тем депутатам, которые опасались, что президентство может породить узурпацию власти, я сказал, что для таких опасений нет оснований: «Гарантия тому — сама Конституция, на страже которой стоят теперь мощные, обладающие реальными правами высшие представительные органы государственной власти — Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР... Гарантия тому — и ставшая у нас реальностью гласность, политический плюрализм».

Глядя с сегодняшней исторической вышки, можно сказать, что это были

вполне серьезные доводы. Неудавшаяся попытка узурпации власти в августе 1991 года, а затем удавшаяся — в декабре того же года свидетельствуют, что опасность исходила не от широких полномочий президента.

Вечером того памятного дня, после закрытия заседания съезда, мне пришлось часа два-три принимать поздравления от депутатов, выслушивать их просьбы, пожелания, советы. Не обошлось без нескольких коротких интервью советским и зарубежным корреспондентам. А затем, когда в зале уже погасили свет, поднялся к себе в кабинет, где меня ждала Раиса Максимовна. Были еще помощники — Шахназаров и Игнатенко. Подняли бокалы, выпили кофе, отметив этим новый мой статус. А я задавал сам себе вопрос: изменилось ли что-либо в моем положении?

М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. М., 1995. Т.1. С.628-639